

УДК 82

Бут-Гусаим Светлана Феодосьевна

доцент кафедры белорусской филологии

But-Husaim Svetlana F.

e-mail: svfbg@tut.by

Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина

Brest State University named A. S. Pushkin

г. Брест, бульвар Космонавтов, д. 21, Республика Беларусь, 224016

Тел.: (375-162) 21-63-50

АНТРОПОНИМЫ В СКАЗКАХ ГЕОРГИЯ МАРЧУКА

ANTHROPONYMS IN THE FAIRY TALES BY GEORGE MARCHUK

Аннотация: в статье рассматривается антропонимическое пространство сказок Георгия Марчука. Анализируются прямоговорящие и косвенноговорящие личные имена, прозвища и фамилии персонажей. Рассмотрена роль контекста в актуализации образно-выразительных возможностей антропонимов.

Ключевые слова: антропоним; прямоговорящее имя; косвенноговорящее имя; прозвище; фамилия.

Abstract: the article views the anthroponymic space of the fairy tales by George Marchuk. The author analyzes straightforward and indirectly speaking proper names, nicknames and surnames of the characters. The role of context in actualizing figuratively-expressive functions of anthroponyms is given attention to.

Keywords: Anthroponym; straightforward and directly speaking name; nickname; surname.

Георгий Марчук является автором многочисленных произведений для детей и юношества: сборников сказок “Жили-были дед Васильчик и баба Катерина”, “Чужое богатство”, “Дикая груша”, пьес-сказок “Ожидание собаки Теофила”, “Новые приключения Нестерки”.

Действие практически всех сказок Г. Марчука разворачивается на Полесье, там, где среди необъятных болот стоит древний Давид-Городок, где волшебная Горынь впадает в царицу края Припять, где за семью лесами, тремя болотами, куда не ведут минские, киевские, варшавские дороги, живут люди привычно, законопослушно, по-добрососедски. Создавая яркие, фантастические и правдивые картины древней и современной жизни родной земли, Г. Марчук обращается к такому показательному и культурно своеобразному элементу языка, как *антропонимическая лексика*.

Все зафиксированные в произведениях Г. Марчука антропонимы можно разделить на две группы. Во-первых, это имена и фамилии реальных исторических лиц, во-вторых, имена, фамилии, прозвища героев, созданных фантазией писателя.

Сказки Г. Марчука интересны сочетанием реального и фантастического. Сказочник повествует маленькому читателю о прошлом родной земли, о знаменитых предках, мастерство, мужество, ум которых ценились во всем мире. Поэтому на страницах сказок упоминаются имена реальных исторических деятелей: князя *Давида*, внука *Ярослава Мудрого*, казака *Небабы*, сподвижника *Богдана Хмельницкого*, польского короля *Владислава IV*, королев *Марии Гонзаго* и *Боны Сфорцы*. Введение реальных исторических личностей в сказки необходимо для создания атмосферы прошлого, которое перекликается с днем сегодняшним. И это вызывает у маленького читателя интерес к родной истории и гордость за ее яркие страницы.

Что касается имен персонажей, созданных фантазией писателя, заметим: в произведениях детской литературы, в том числе и сказках, они чаще всего мотивированы словообразовательно, фонетически и семантически, при этом мотивы именованья прямо или косвенно эксплицируются в тексте. Детский писатель стремится к максимальной прозрачности внутренней формы поэтонима, созданного и окказионально использованного в произведении.

Оценочно-характеристическим средством в сказках Г. Марчука является такой элемент антропонимической лексики, как собственные личные имена.

Антропонимикон сказок писателя является отражением богатства белорусского именованья, который характеризуется живописной палитрой. В сказках Г. Марчука находим много старых белорусских имен: *Базыль, Ян, Аксен, Домна, Марфа, Гана, Мікадзім, Ганеліс, Лука, Астан, Піліп, Сілуян, Багуслава* и др. К сожалению, многие онимы теперь архаизировались, вышли

из активного обихода. Их можно встретить разве что у представителей старшего поколения.

Имя издавна служило свидетельством вероисповедания человека. В сказках Г. Марчука находим использование как византийско-православных (*Иван, Марфа, Нікадзім, Аганія, Барыс, Глеб, Сілуян*), так и римско-католических (*Базыль, Ян*) форм имен. Встречаются на страницах сказок и языческие двухосновные имена-композиции: *Яраслаў, Святаполк, Багуслава*.

Многочисленные исследователи ономастической лексики характеризуют собственное имя как “гипертрофированно номинативную” (А. А. Реформатский), “лишенную значения (семантики)” (Н. И. Толстой) языковую единицу, которая содержит информацию о национальной принадлежности и общественном статусе личности. Употребление имени на страницах художественного произведения обогащает содержательную природу онима. Имя концентрирует в себе информацию об определенных качествах и свойствах персонажей. Оно не просто называет, а характеризует и оценивает литературных героев.

Нередки на страницах сказок писателя *прямоговорящие личные* имена. Эти онимы имеют прозрачную внутреннюю форму. Они характеризуют прямо, непосредственно, являясь своего рода ярлыками, этикетками, которые определяют характер восприятия и оценки героя. Э. Б. Магазаник сравнивает такие имена с вывесками, которые заранее указывают читателю на то, с кем он имеет дело [2, с. 30]. К числу таких онимов относятся имена-указания рода занятий и социального статуса персонажей: *Учитель, Студент, Профессор, Дама*. Сведения как о внешности, так и о внутренней сущности героя несет говорящее имя *Одноглазый Пират*: «*Адно вока Пірата закрыта павязкай, другое гарыць злым чырвоным агнем. Увесь дзень Аднавокі бегае па замку і ўсе думае, думае, якое б зло зрабіць*» [4, с. 200]. Именно Пират создает *Черный город*, запретив его жителям жить радостно, ярко, дружить, помогать друг другу.

Косвенноговорящие имена не имеют заданности и прямолинейности прямоговорящих поэтонимов. У антропонимов этого типа “затемненная” внутренняя форма, для выяснения которой нужен контекст, способствующий раскрытию характеристики, заложенной в поэтониме. Косвенноговорящие имена в сказках могут указывать на физические качества героев. Так, мотивация имени сказочного силача *Сілуяна* становится понятной читателю тогда, когда контекст высвечивает первооснову онима: «*Сілуян – ладны хлопец, што ростам і сілаю выйшаў. Кулакі ў яго, як гіры пудовыя. Так дасць, што і не ачомаюся*» [4, с. 100]. Косвенноговорящие имена могут указывать на моральные качества персонажей. Таким именем является именование красавицы *Богуславы* – героини сказки “Кузнец Силуян и злой дух”. Судьба девушки – пример жизни простого человека, который живет “богобоязненно, по-добрососедски”. Жизнь *Богуславы* подчинена исконным моральным принципам честности, сочувствия, любви к ближнему. Благодаря Божьей помощи героиня спасает душу любимого от дьявольских чар.

В сказке “Как родился Нестерка” Г. Марчук представляет читателю свою трактовку происхождения имени традиционного героя белорусских сказок. Ребенок появился на свет тогда, когда старый Месяц исчез, а молодой не родился. Священник “*даваў імены па Сонцы або па Месяцы*” [3, с. 300]. К тому же очень необычным был младенец, который с первых минут жизни начал смеяться. Неординарность малыша и необычность времени рождения ребенка требовала своеобразного имени. Слова батюшки “*несць чысла іменам – Ян, Пятрусь, Яраслаў, Святаполк, – ды ніводнае вашаму не падыходзіць*” [3, с. 300] стали основой возникновения имени *Нестерка*.

Отражая тонкие нюансы человеческих отношений, имена в разнообразных жизненных ситуациях употребляются в многочисленных эмоционально-оценочных формах. Диапазон чувств, которые выражаются посредством таких имен, чрезвычайно широк. Это нежность, дружеская фамильярность, насмешка, ирония, презрение, сострадание. Широко представлены такие вариации имен в произведениях Г. Марчука. Главным

образом это уменьшительно-ласкательные формы. Доля пейоративных имен в детской литературе незначительна. Это связано с положительной эмоциональной и этической направленностью произведений для детей.

В сказках Г. Марчука представлена народная традиция называть детей и подростков формами имен, которые выражают ласку и нежность. Вспомним о *Егорке*, хорошем, отзывчивом мальчике, верном друге *Скворца*, *Дятла*, *Жаворонка* из сказки “Зимняя песня Жаворонка” [4, с. 17]. Это и малыш *Юраська*, внук главных героев сказок о деде *Васильчике* и бабе *Катерине* [4, с. 34].

Максимально насыщены любовью и нежностью формы имен, которыми называют любимых людей: «*Кахае ен Марыйку, дачку бондара, а Домна не хоча, каб яны пажаніліся*» [3, с. 102]; «*Няўжо не вернецца да яе Іванка?*» [3, с. 88]; *Так шкада яму зрабілася маладую прыгожую Кацярынку*» [3, с. 22].

Заметим, что ласкательные формы имени могут употребляться для именованья взрослых персонажей. Так, доброго, отзывчивого старика, который до последних лет жизни сохранил способность любить людей и братьев наших меньших, помогать им (герой спасает утку Гапу и ее детишек, козочку Марфу и даже медведя), прозывают *Васильчиком* [4, с. 50]. В такой форме именованья выражается любовь и уважение к человеку.

Согласно сказочной традиции, поэтонимами являются не только личные имена, но и неразрывно связанные с ними апеллятивы-приложения. В подобных случаях соответствующие нарицательные существительные имеют непосредственное отношение к персонажам, характеризуют их по тому или иному признаку. Приложения при личных именах в произведениях Г. Марчука содержат следующие виды информации о носителях имен. Они могут указывать на род занятий, социальный статус персонажа: «*Сілуян-каваль упадабаў дзяўчыну-сірату Багуславу, незвычайную прыгажуню*» [4, с. 104]; «*Кабету яго Домнай клічуць. Домна-шаптуха. Скнара, як і ен*» [3, с. 12]; «*Я Абдула-эфендзі, а не дэрвіш*» [3, с. 14]. Приложения могут выражать

положительные эмоции, чувства, оценки: «*Не, їхняй Кацярыне-сіротцы і жаніха трэба шукаць багацейшага, каб ладны быў, кемлівы і пры здаровым целе*» [3, с. 15]. Приложения могут быть средством отрицательной характеристики моральных качеств персонажа, напр.: «*Піліп-баязлівец толькі страшыць знарок, каб яго, героя, маўляў усе баяліся*» [4, с. 208].

Как видим, сочетания приложений с личными именами выступают метким и лаконичным средством характеристики литературных героев в сказках Г. Марчука.

Ярким оценочно-характеристическим средством в произведениях писателя предьявляются **фамилии**. Создавая прозвания сказочных героев, Г. Марчук стремится “воскресить” внутреннюю форму онима, подчеркнуть его связь с понятием, которое легло в основу именованя. В фамилиях отражается видение писателем своих персонажей, их характеров, действий, поступков. Так, именоване **Барабанадуля**, которое принадлежит герою цикла сказок про деда Васильчика и бабу Катерину, отрицательно характеризует персонажа. Это пустой, злой, мстительный человек, который любит хвастаться своими “подвигами”. Он не умеет сочувствовать, принося ближним одни неприятности. **Барабанадуля** избавляется от больной матери, отправив ее к сестре, калечит старую **Сороку**, убивает кошечку **Дымку** [4, с. 78]. Именоване сказочного персонажа соответствует сути героя, созданного фантазией Г. Марчука.

Показателем высокого сословного статуса является форма фамилии. Под пером писателя двойная фамилия может стать средством насмешки над якобы благородным, а на самом деле никчемным персонажем. Так, в пьесе “Новые приключения Нестерки” один из героев, пан, носит фамилию **Пуп-Шкевіч**. Высокая форма прозвания наполняется сниженным содержанием основы первой части именованя. Это название, которое рождает в сознании читателя ассоциацию с разговорной фразеологией ироничного звучаня **пуп земли** – ‘самый важный, самый главный, наилучший’ [1, с. 232]. Но вовсе не хозяином своего поместья является пан. Решает человеческие судьбы,

управляет хозяйством и манипулирует паном эконоом, по прозвищу “*Все могу*”. Усилия пана направлены на решение «грандиозной» задачи – выбор повара. Да и этот вопрос *Пун-Шкевіч* не может решить самостоятельно, подчинившись эконому и фальшивым шляхтичам *Патылице* и *Абдуле*.

Создавая яркие, запоминающиеся портреты сказочных героев, Г. Марчук использует изобразительные возможности такого разряда антропонимической лексики, как *прозвища*. Характеристические прозвания могут описывать внешний вид, физические качества персонажей. Такие прозвища представляют собой своего рода свернутое описание, словесный рисунок, в котором на первый план выходит “особенное”, наиболее броское свойство индивида. Так, шутовое прозвание героя сказки “Медведь” деда Васильчика, один глаз которого забрала война, *Кутузов*. Причиной возникновения оценочно-характеристического именованя является не только внешнее сходство со знаменитым полководцем, но и смелость, находчивость деда, сумевшего поймать вора, отыскать украденную икону и даже помочь медведю.

В отдельную группу мы выделяем прозвища, причиной возникновения которых являются чрезвычайные случаи, происшествия, которые высвечивают сущностные человеческие черты. Так, герой одной из сказок Г. Марчука имеет прозвище *Корыто с червонцами*. Прозвание пана характеризуется оттенком презрения. Получил сказочный персонаж такое именоване за то, что победил в соревновании по вытаскиванию денег из корыта: «*Пан меў ручышчы доўгія і жмені вялізныя, бы не людскія. І так імі, паганец, чэрпаў, што паўтуды, не мени, тых чырвонцаў з карыта выцягваў*» [4, с. 101]. Прозвище передает особенности морального облика героя: его стремление и умение добывать деньги любыми путями.

Встречаются на страницах сказок Г. Марчука *генесионимические прозвища* – прозвания жены по имени, фамилии или прозвищу мужа. Такие именованя образуются при помощи суффиксов -их (-ых), напр.: «*Удава*

Капліха, якая мела хаціну недалёка ад раздарожжжа, з калодзежа зрабіла лядоўню-студню» [4, с. 18].

В контексте сказок Г. Марчука личные имена, фамилии и прозвища персонажей являются средством, который создает художественный образ. Удачно подобранные писателем антропонимы могут ярко и лаконично показать внешний облик и психологическое состояние героя, передать манеру поведения персонажа, а также выразить характер и тональность человеческих взаимоотношений.

Список литературы

1. Лепешаў І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : у 2 т. – Мінск : БелЭн, 1993. – Т. 2 : М – Я. – 607 с.
2. Магазаник Э. Б. Ономапозэтика, или «говорящие имена» в литературе. – Ташкент : Фан, 1978. – 148 с.
3. Марчук Г. Вяселья, бедныя, багатыя. – Мінск : БелПЭК, 1998. – 367 с.
4. Марчук, Г. Дзікая груша. – Мінск : Беларусь, 2000. – 287 с.